

Два Анатолия и одна «Анжелика»: к истории «Юго-западной литературной школы»

© 2021, А.Л. Яворская, А.Б. Устинов
Одесса, Украина; Сан-Франциско, США

Аннотация: Настоящая работа посвящена культурной жизни Одессы 1910-х гг. на примере реконструкции биографии Анатолия Гаммы. Его недолгую творческую деятельность — Гамма умер осенью 1918 г. на двадцать втором году жизни — можно было посчитать едва ли не литературной мистификацией. Тем не менее она отразила кардинальную перемену южно-русской художественной парадигмы в первые пореволюционные годы. Авторы приводят в составе статьи все известные стихотворения Гаммы, извлеченные из одесской периодики 1917–1918 гг. После гибели в том же 1918 г. другого 21-летнего одесского поэта Анатолия Фиолетова, имя Гаммы стало попадать в поминальные статьи, посвященные обоим поэтам. Одна из них, «О двух Анатолиях (Ан. Гамма, Ан. Фиолетов)», была напечатана в харьковском журнале «Музы» под псевдонимом «Анжелика д’Эспре», расшифровка которого предложена авторами статьи. Наряду с Фиолетовым, Эдуардом Багрицким и другими одесскими поэтами, Гамма стал частью культурного феномена, который Виктор Шкловский в 1932 г. назовет «Юго-западной литературной школой».

Ключевые слова: литературная Одесса, русский футуризм, пореволюционная культура, А. Гамма, А. Фиолетов, Э. Багрицкий, В. Маяковский, М. Семенко, В. Шкловский, юго-западная литературная школа.

Информация об авторах: Алёна Леонидовна Яворская — историк литературы, краевед, г. Одесса, Украина. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4231-7113>. E-mail: yavors@i.ua.

Андрей Борисович Устинов — доктор филологических наук, главный редактор, издательство «Аквилон», Сан-Франциско, CA 94122, США. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8468-4854>. E-mail: abooks@gmail.com.

Для цитирования: Яворская А., Устинов А. Два Анатолия и одна «Анжелика»: к истории «Юго-западной литературной школы» // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 280–313. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-280-313/>

Наша искренняя признательность Галине Бабак, Сергею Гирику, Александру Соболеву и семье С.З. Лущика за содействие в подготовке этой работы. Мы хотели бы посвятить ее памяти наших друзей и коллег Николая Богомолова и Мирона Петровского.

And this stillness of life did not in the least resemble a peace. It was the stillness of an implacable force brooding over an inscrutable intention.

Joseph Conrad

Для любого исследователя, интересующегося одесской поэзией эпохи жестоких общественных перемен и культурного разлома 1917–1918 гг., имя Анатолия Гаммы представляется едва ли не литературной мистификацией. Тем более что в большинстве случаев оно привязано к имени другого «Анатолия» — Фиолетова, и кажется едва ли не его альтернативным псевдонимом. К такому заключению располагает в частности то обстоятельство, что Фиолетов отсутствовал на одесских литературных вечерах, где среди выступающих был заявлен Гамма. Например, в «Программе Рождественского четверга Студенческого литературно-художественного кружка 28 декабря 1917 г.», в котором приняли участие Валентин Катаев, Юрий Олеша, бывший тогда поэтом, и даже жена Фиолетова — Зинаида Шишова. На этом вечере Гамма читал стихотворения «Стезя запретная» и «Два мертвых бога»¹.

«Гамма — студент, писал очень звучные, прекрасные стихи, — записывал Сергей Лущик в октябре 1973 г. рассказ одного из активных участников тех литературных вечеров Вадима Долинова. — Красавец, все его любили. Умер от гриппа. На вечерах поэзии выступал также с пародиями»². В связи с последним высказыванием Долинов тогда же продекламировал запомнившийся ему моностих Гаммы «Я мозг свой бросил на весы», пародировавший по форме одностроки Валерия Брюсова (как оригинальные, так и переводные), а по содержанию — поэтическую декларацию русского футуризма, стихотворение «А вы могли бы?» Владимира Маяковского.

Для ведущих представителей южно-русской литературной культуры 1910-х гг., в первую очередь Анатолия Фиолетова и Эдуарда Багрицкого, основным объектом подражания выступал именно футуризм. Критик и обо-

¹ См. также «Вечер Искусств 27 Октября 1917 г.» («Начало в 8 час. вечера»), где между музыкальными номерами Гамма выступил вместе с поэтами «Клуба “Бронзовый Гонг”», которые в афише были указаны поименно: Вадим Либович, Виктор Гофшанд, Эммануил Бойм, Михаил Гитерман, Леонид Кельберт, Леонид Ласк (Фонды Одесского Литературного музея).

Программы других вечеров сохранились в собрании С.З. Лущика (Одесса): «ПЕРВЫЙ ИНТИМНЫЙ ВЕЧЕР. Зал консерватории. 2 февраля 1918. Отделение IV. Новые стихи представят поэты <...> З. Анатолий Гамма». «ТРЕТИЙ ИНТИМНЫЙ ВЕЧЕР. Зал консерватории. 14 (1) апреля 1918. При свете Зеленой лампы. Стихи — поэты <...> А. Гамма».

² Собрание С.З. Лущика.

ГАРНИЗОННОЕ СОБРАНИЕ

ВЕЧЕРЪ ИСКУССТВЪ

27 Октября 1917 г.

ПРОГРАММА.

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

Ядвига Берштейнъ (рояль)
Дмитрій Лекгеръ (скрипка)

ПОЭТЫ:
[изъ Клуба „БРОНЗОВЫЙ ГОНГЪ“]

Анатолій Гамма
Владиміръ Либовичъ
Викторъ Гофштанъ
Эммануиль Боймъ

ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

Профессоръ Г. Мэркъ (виолончель)
Воздвиженская (пѣніе)
Ася Яковлева (пѣніе)

ПОЭТЫ:
[изъ Клуба „БРОНЗОВЫЙ ГОНГЪ“]

Михаилъ Гитерманъ
Леонидъ Кельбертъ
Леонидъ Ласкъ

у рояля А. КАРШОНЪ

НАЧАЛО въ 8 ЧАС. ВЕЧЕРА.

Типографія М. БЕРШАДСКАГО, Московскій 5. — Телѣф. 57-02

ПРОГРАММА

РОЖДЕСТВЕНСКАГО ЧЕТВЕРГА
СТУДЕНЧЕСКАГО

Литературно-Художественнаго Кружка
28-го декабря 1917 г.

Отдѣленіе I-е.

~~Давидъ Скрибинъ~~ прочтетъ В. Маргульсъ. Музыкальная иллюстрація m-lles Кацъ и Трейстеръ и Г. Долинова.

Отдѣленіе II-е.

ПОЭТЫ.

Валентинъ Катаевъ—разсказъ «Барabanъ».
Борисъ Бобовичъ—стихи.
Вл. Либовичъ—«Персидская».
Леонидъ Неждановъ—«Серенада», «Ты меня встрѣчаешь».
Сергій Гольденфельдъ—«Дочь звѣзды», «Жалко».
Эмиль Ширманъ—«У гроба», «Я хорошу свою любовь».
Юрій Олеша—«Немного момента», «Пиковая дама».
Анатолій Гамма—«Стезя запретная», «Два мертвыхъ бога».
Зинаида Шишова—«Сумерки», «Письмо съ фронта».
Эмилия Немировская—«Синимъ шелкомъ».
Георгій Долиновъ—«Вчера», «Молитва».
Анта Дуничева—стихи.
Валентинъ Катаевъ—сонеты.
Ольга Слонимская—стихи.
Марія Свирчевская—стихи.

Отдѣленіе III-е.

Романы—исполнить Вадимъ Долиновъ, у рояля m-lle Трейстеръ.
Французскія пѣсенки—исполнить m-lle Соколова, у рояля Г. Долиновъ.
Пѣсенки Вертинскаго—исполнить Вадимъ Долиновъ, у рояля m-lle Трейстеръ.
Баллада Георгія Долинова—исполнить авторъ.
Мелодекламация Георгія Долинова—исполнить В. Долиновъ, у рояля авторъ.

Отдѣленіе IV.

Вступительное слово Георгія Долинова.
Наизъумительнѣе Юрій Олеша—исп. авторъ.
Зинаида Шишова—пародія.
Дуэль В. Катаева и Г. Долинова.
Петръ Ершовъ—«Сегедилія» исполнить авторъ.
«Рождественскіе подарки поэтamъ»—раздастъ Эмиль Ширманъ.
«Почтовый ящикъ поетовъ»—вызовы принимаютъ Г. Долиновъ, В. Катаевъ, Л. Неждановъ.

Из фондов Одесского Литературного музея.

зритель Петр Пильский считал эти два имени определяющими для той поэтической Одессы, которую он вспоминал, например, в отзыве на книгу Ивана Бунина «Окаянные дни»:

Помянут (хотя и не назван) молодой поэт Фиолетов. Он из той же молодой стаи, где были Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев. Фиолетов поступил в уголовную полицию. Сделал это по убеждению: с преступниками надо бороться! Фиолетова убили. Бунин приводит его памятное и смешное четверостишие:

Какое самообладание,
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования³.

Однако, футуризм «эго- и кубо-поэтов», как однажды разделил два извода этого литературного направления «почетный одессит» Корней Чуковский⁴, по-разному проявились в творчестве молодых южно-русских поэтов.

Если Фиолетов больше тяготеет в своих стихотворениях к «эго-футуристам»⁵, то Багрицкий, напротив, открыв для себя «кубо-футуристов», создает «Гимн Маяковскому», в котором он признается в безоговорочном принятии поэта-«полководца городов» и доводит его до крещендо в вызывающей коде:

О Полководец Городов, бешено лающих на Солнце,
Когда ты гордо проходишь по улице,
Дома вытягиваются во фронт,
Поворачивая крыши направо.

Я, изнеженный, на пуховиках столетий,
Протягиваю тебе свою выхолченную руку,
И ты пожимаешь ее уверенной ладонью,
Так, что на белой коже остаются синие следы.

Я, ненавидящий Современность,
Ищущий забвения в математике и истории,

³ Пильский П. Окаянные дни. Новая книга И.А. Бунина // Сегодня. (Рига). 1935. № 293. 23 октября. С. 3. Ср. здесь же прозрачное свидетельство о Катаеве, лишь подтверждающее написанное о нем Буниным:

Разговорились с Валентином Катаевым. Он сказал:
— За 100.000 убуь, кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...

Кто хоть немного знал Катаева, тот не удивится этой циничной откровенности. И во время Гражданской войны Катаев дрался со всеми против всех. Был у красных, был у белых, был у Махно, и сражался с Махно, пока его не успокоили большевики. Тут он сразу остепенился и занялся писанием. Все помнят и знают его «Растратчиков». Можно насчитать еще два-три недурных рассказа. Всё? Всё.

Ср. также еще более неллицеприятный мемуарный очерк Пильского о Катаеве: Пильский П. Мое знакомство с автором «Растратчиков» // Сегодня. (Рига). 1927. № 8. 12 января. С. 2.

⁴ См.: [27, с. 135]. В этом пространном памфлете также вынесен приговор всему художественному движению: «Забудем же о всяком футуризме. Ясно, что наш футуризм, в сущности, есть анти-футуризм» [27, с. 126].

⁵ См.: [25, с. 276–279, 284–288].

Ясно вижу своими всё же вдохновенными глазами,
Что скоро, скоро, мы сгинем, как дымы.

И, почтительно сторонясь, я говорю:
«Привет тебе, Маяковский!»⁶

«Гимн Маяковскому» завершал подборку Багрицкого, составленную для альманаха «Авто в облаках», который отличался от других одесских коллективных изданий. Как отметил С.З. Лущик, «книга задумывалась нарочито “футуристической”, эпатирующей обывателя. На это работала и урбанистическая обложка художника <Сандро> Фазини, и его же “портреты” с элементами кубизма, и большинство текстов Багрицкого (в их числе программный “Гимн Маяковскому”), и стихи мифической Нины Воскресенской⁷, и присутствие

⁶ Авто в облаках. Стихи. Одесса: Тип. «Спорт и Наука», 1915. С. 12. О влиянии поэтики Маяковского на Фиолетова см.: [25, с. 298–301].

⁷ См. двойную отповедь Багрицкому, в том числе под маской Нины Воскресенской в отзыве на это «последнее детище одесских футуристов» разгневанного рецензента:

Кладезь нелепостей в этой книжке столь неисчерпаем, что просто смеха ради стоит на некоторых из них еще раз остановиться. Ибо так мало смеются в наши трудные дни...

Первое место в сборнике отведено Эдуарду Быстрицкому <sic!>, поэту, «изнеженному на пуховиках столетий», «ищущему забвения в математике и истории» и «ненавидящему современность».

Ища забвения в математике, поэт Быстрицкий в одно небольшое стихотворение умудряется втиснуть чуть ли не всю геометрию. Тут и «треугольник, впившийся в очерченный квадрат» и «угол в окружность заключенный» и «кизумрудные квадраты» и «площадь под землемерною трубою». Есть даже геодезический прибор, медный отвес и циркуль.

В стихотворении «Перед отъездом» Эдуард Быстрицкий восклицает:

«Женщина, зачем ты смотришь в тусклое окно.
Я поэт, я поэт, я поэт, понимаешь ты?»

Упрямство, с которым автор кричит: «Я поэт, я поэт, я поэт» заставляет нас думать, что женщина, смотрящая в тусклое окно, этому не верит. И мы этому не верим.<...>

Единственная «поэтесса» сборника — Нина Воскресенская. Она поет:

«Радуйтесь, сутенеры, трубы дома подымайте —
И у Дерибасовской есть поэтесса!»

Напрасно собирающаяся радовать сутенеров Нина Воскресенская сузила свое амплуа: в ее лице и у Николаевского бульвара есть своя поэтесса. В стихотворении «Дерибасовская ночью» такой перл:

«И памятник Пушкина, всунувши в рот папиросу,
Просит у фонаря: “Позвольте закурить!”».

А кто из одесситов не знает, что «памятник Пушкина» (Пушкину?) на Николаевском бульваре?!

Бедный Пушкин, бедная Нина Воскресенская. Если бы она не захотела сделаться поэтессой, из нее вышла бы хорошая хозяйка.
(Эмар. Одесский футуризм // Южный Вестник (Одесса). 1915. № 2. Стлб. 26–27).

двух “настоящих” столичных футуристов» [11, с. 177], — а именно Сергея Третьякова и Вадима Шершеневича⁸.

При этом восприятие Маяковского другими южно-русскими поэтами — по необъяснимым причинам — оказалось приглушенным⁹. Даже посещение им города никак не сдвинуло эту маловосприимчивость с мертвой точки — о чем впоследствии вспоминал поэт Исидор Бобович, активный противник кубо-футуризма:

В январе того же 1914 года Одессу посетил В. Маяковский в сопровождении футуристов Д. Бурлюка и В. Хлебникова. Я присутствовал на втором выступлении <...>. Маяковский выступал в малинового цвета атласном смокинге (не в жёлтой кофте, как писали о нем), с разрисованным лицом. Откровенно говоря, и выступления этой футуристской группы, не имевшие ничего общего с поэзией, и весь этот скоморошный антураж, по существу напоминавший ярмарочный балаган, произвели на меня самое дурное впечатление. Да и публика, среди которой преобладала студенческая молодежь, не проявляла особых восторгов [11, с. 177–178]¹⁰.

Тем не менее, расположенность южно-русской литературной традиции к кубо-футуризму проявилась на другом фланге и на смежном языке. 24 ноября 1913 г. «студент второго курса Психоневрологического Института, украинский поэт Михаил Семенко» [18, с. 163]¹¹, посетил устроенное Тверским землячеством «Литературное утро с участием футуристов (В. Ма-

⁸ В «Авто в облаках» было напечатано 4 стихотворения Третьякова (с. 35–38) и 6 стихотворений Шершеневича (с. 57–64).

⁹ Ср., тем не менее, пересказ лекции одного из самых тонких критиков этого поколения Габриэля Гершенкройна: «Большинство поэтов-футуристов лектор ставит не очень высоко и делает исключение только для Вл. Маяковского. Он нов и своеобразен и от него, как и от Мандельштама, можно ожидать многого в будущем» («Четверг» в Литературно-артистическом клубе // Одесские новости. 1915. № 9688. 25 апреля (8 мая). С. 3).

¹⁰ «Исправим ошибку памяти мемуариста: выступал, в числе других, не Хлебников, но Василий Каменский, — замечал С. Лущик. — Любопытно, как встречи с футуристами отразились на творчестве иных одесских поэтов лишь через полтора года, о чем свидетельствует “Авто в облаках”. До наших дней остается загадкой, какими путями оказались в “Авто в облаках” и последующих альманахах стихи С. Третьякова и В. Шершеневича. В Одессе эти столичные поэты, по всей видимости, никогда не бывали, не прослеживается никаких контактов их с одесскими литераторами. И. Бобович не сумел ничего вспомнить: „Я не могу ответить на вопрос о том, как попали в наши сборники стихи С. Третьякова, В. Шершеневича и В. Маяковского. Я лично никогда не принадлежал к числу поклонников Маяковского. Причина появления в наших сборниках стихов этих авторов мне неизвестна» [11, с. 178].

¹¹ См. личное дело Семенко (1912–1913) в архиве Психоневрологического Института в Петербурге: ЦГИА СПб. Д. 115. Оп. 2. Д. 8488.

яковский и А. Крученых)» [8, с. 245–247, 967]. «Поэт был частым гостем в нашем институте, — вспоминала учившаяся там Ася Лацис (Anna Liepiņa; 1891–1979). — Он приходил в своей знаменитой жёлтой кофте без пояса; один угол воротничка был острый, другой закругленный. Я была горячей поклонницей поэта. Его умение меткой фразой сразить филистеров наповал покоряло — ведь я с детства ненавидела обывателей» [10, с. 32].

Комментируя этот мемуарный фрагмент, Г.В. Обатнин обращал внимание, что согласно «составленной В.А. Катаняном “Хронике жизни и деятельности Маяковского”, поэт трижды выступал в ПСНИ, но откликов в студенческой газете удостоилось» только «последнее его выступление 24 ноября» [15, с. 159]. «Трансформацию» Семенко, который оказался «среди слушателей Маяковского», пояснял М.С. Петровский:

Стихи Маяковского, если судить по последствиям, произвели на Семенко, озабоченного поисками новой образности, оглушительное впечатление. <...>

В тот же день, 24 ноября 1913 года, и в ближайшие последующие дни Семенко написал несколько стихотворений, решительно не похожих на свои прежние, <...> в следующих строчках <...> Семенко:¹²

Життя не є цвітучий гай.
Життя є вулиця шумлива.
Автомобіль або трамвай
Тебе роздавить — будь щасливий... —

узнается и трагизм стихов молодого Маяковского, и его бурные словоношества, и его характерные урбанистические образы <...>.

В обоих случаях отчетливо проступает inferнальный характер городской техники, а может, и вообще цивилизации. У Маяковского — это «адище», разбитое на маленькие «ад<i>и</i>ки», а у Семенко, крепко помнящего, что образ рая в украинской традиции — это «садок» или «гай» (дающий к тому же рифму к «раю»), мысль об аде дается через отрицание: «не є цвітучий гай». <...>

Несколько стихотворений Семенко, выплеснувшихся после выступления Маяковского в Психоневрологическом Институте, — это рефлекс украинского поэта на встречу с поэтом русским, своеобразная «запись» голоса Маяковского в украинских стиха, поэтический

¹² Из стихотворения «Запитання» («Я хтів би знати — що є життя?..»), включенного Семенко в цикл «Наивные стишки», который был опубликован только в его представительном одномотнике 1924 г. с русифицированным названием вместо украинского *Кобзар* [19, с. 54–55].

отчет о впечатлениях, вынесенных с выступления Маяковского, в некотором смысле — *стихи о Маяковском*, свидетельствующие о неотразимости его произведений. <...>

Эти же стихи Семенко свидетельствуют и о другом — в эти дни (если не часы) погиб, исчез, растворился вполне традиционный поэт Михаил Семенко и внезапно, непостижимо сразу возник поэт-футурист, родоначальник и лидер украинского поэтического авангарда *Михайль Семенко*¹³. <...>

Поворот совершился круто, как по флотской команде «все вдруг»¹⁴. В стихах Семенко, написанных до того знаменательного дня, предпринималась умеренной смелости попытка расшатать традиционный украинский стих, скромно сблизив его с некоторыми достижениями новейшей западной и русской поэзии [18, с. 163–167].

Побывав на выступлении Маяковского и фактически *verbatim* переписав его стихотворения, Семенко настолько поменял собственную поэтику, что сознательно вывел начатый им еще в январе 1913 г. невнятный цикл «Наивные стишки» («Наївні Поезійки») на уверенные урбанистические рельсы. Если в стихах одесских поэтов городские приметы облекались флёром романтизма, как например, в известном стихотворении Семена Кесельмана «Я жду»:

Я жду любви, как позднего трамвая,
Гляжу во мглу до слез, до боли глаз,
Творя волшеббу, чтоб точка огневая
В конце пустынной улицы зажглась.

¹³ См. его стихотворение «Автопортрет», описывающее поэтическую трансформацию Семенко в украинского *кубо-футуриста*:

Хайль семе нкоми
Ихайль кохайль альсе комих
Ихай месен михсе охай
Мх йль кмс мнк мих мих
Семенко енко нко михайль
Семенко мих михайльсе менко
О семенко михайль!
О михайль семенко!

11 — VII. <1>914. Киев [19, с. 112].

Альтернативный автопортрет был нарисован в стихотворении «Моя душа» (27 августа 1914 г.):

Михайль Семенко совсем ясный.
Зажжет вселенную, едва она погаснет.
Моя душа — будто яблочный сок.
Буря — мой прок. [19, с. 118] (перевод А. Устинова).

¹⁴ Ср. стихотворение Семенко «Поворот» («Цілі віки ви слова ці творили...»), также отмеченное «24 — XI. <1>913. Петербург» [19, с. 55].

Я жду. В душе, — как Млечный путь в цистерне, —
 Лишь отраженья зыблются одни,
 И грезится, что в сырости вечерней
 Уже скользят прозрачные огни¹⁵, —

то у Семенко трамвай сначала подвергается безжалостной деконструкции:

Вай тра
 рам та
 трам
 йав ав
 вав
 трам там
 рам ай
 трам вай
 авраам, [19, с. 99]¹⁶ —

а после становится неотъемлемым образом его новой футуристической поэтики и даже действует на грани антропоморфизма, как в стихотворении, написанном 23 мая 1914 г.:

Осте сте
 би бо
 бу
 извозчики — люди
 трамваи — люди
 автомобилибили
 бегодвижение двигобэги
 подвижнобэги
 berceus кару
 сели
 ели

¹⁵ Шелковые фонари: Стихи. Одесса: Тип. «Спорт и Наука», 1914. С. 24; [5, с. 89].

¹⁶ Ср. помеченное тем же днем и местом («21 — v. <1>914. Киев») другое стихотворение:

Стальо льо тало
 ало рюзо
 юзо
 бирюзо
 остало квальо мало
 льо
 о [19, с. 100].

Здесь сохранено сочетание «льо», как более графически насыщенное, чем ожидаемое при транскрипции «лѐ».

лили
пути-великаны
дыму сталь
пыхают
пых
пахуча
пахитоска
дым синий
чёрный ды
м
пускают
БЕНЗИН
чаду жить
чаду умолять
любить кхекать
жизньдать
жизнедвижение
жизньтебе
нзин
авто
трам [19, с. 100–101] (перевод А. Устинова).

Так, вдали от юга словами и образами одного чуткого поэта, услышавшего «шум времени», увлекшегося Маяковским и оказавшегося под откровенным влиянием Елены Гуро¹⁷, была утверждена украинская вариация русского кубо-футуризма¹⁸.

¹⁷ Рубежное собрание стихотворений Семенко «Кобзарь» предварял эпитафия из Гуро: «Созданное уже не принадлежит тебе», — переименованный из центрального пассажа ее миниатюры «Обещайте»: «Мечта! — вы ей дали жить — мечта живет, — созданное уже не принадлежит нам (курсив наш. — А. У., А. Я.), как мы сами уже не принадлежим себе» (Трое: В. Хлебников, А. Крученых, Е. Гуро. СПб: Журавль, 1913. С. 96). Эта миниатюра стала заключительным произведением в ее посмертном сборнике «Небесные Верблюжата» (СПб.: Журавль, 1914. С. 126). Эпитафия из Гуро открывал стихотворение Семенко «Sun» из того же цикла «Наивные стишки»: «Как рано мне приходится не спать, / Оттого, что я печалюсь», — последнее двустишие в посвящении Гуро «Моему брату», другие строки из которого: «Я смертной чертой окружена / и не знаю, кто меня обвел...», — предваряли стихотворение Семенко «Смертная черта» (6 мая 1914 г.) из цикла «Дерзания. Кверо-футуризм. Эротезы. Поэзофиры» [19, с. 94]. 7 июня 1914 г. он написал стихотворение «Намерение», которое закончил катреном:

И переход поймать истории момент
Чтоб перекинуть мост в эпоху аэро
Увидеть мир где снов прекрасней нет
Чюрлёниса и Врубеля Сезанна и Гуро [19, с. 103] (перевод А. Устинова).

¹⁸ Ср. интерес к Елене Гуро одесского поэта и художника Вениамина Бабаджана. «Я тебе буду благодарен, — писал он 18 февраля 1916 г. своей сестре Тотеш, — если

Семенко вернулся в Киев, вооруженный арсеналом, необходимым, чтобы провозгласить украинский футуризм, получившего название «кверо-футуризм». Как отметил в своей монографии Олех Ильницький, «Ukrainian Futurism has been frequently associated with a single writer — the poet Mykhailo (Mykhailo) Semenko (1892–1937). Although inaccurate, this impression rests on the fact that he was the movement’s founder and, initially, its sole literary representative. Without his initiative, possibly, the movement might not have existed at all» [40, p. 3].

В манифесте «Футуризм в украинской поэзии (1914–1922)», подписанном «Анатоль Цебро», Семенко давал ретроспективную оценку единолично созданному им кардинально новому направлению украинской литературы:

Когда в начале 1914 г. в украинской поэзии появился футуризм, его со всех сторон осудили на бесславную смерть. Везде и всё время говорилось о том, что на украинской почве такая «роскошь», как футуризм, есть вещь случайная и не жизнеспособная, и потому это неестественное и чужое явление обречено на смерть.

Так говорилось, так писалось и казалось, что так оно и было на самом деле. Михайль Семенко долгое время был сам по себе, а его кверо-футуризм (смесь футуризмов эго- и кубо-) не находил сторонников и последователей. Это как бы подтверждалось и тем фактом, что украинский футуризм, представляемый самим Семенко, колебался, бросаясь и вправо, и влево — от символизма и импрессионизма до эстетского футуризма и крайностей разрушения.

Но были ли так на самом деле? Несомненно, нет! И это доказывают не только блеск и расцвет футуризма в украинской поэзии наших дней, — это подтверждают и реальные обстоятельства периода подъема футуризма на украинской почве [13, с. 73]¹⁹.

пришлешь следующее: Елена Гуро “Шарманка”, Федор Сологуб “Пламенный круг”, стихи, Рабиндраната Тагор “Лунный свет”, поэмы о детстве» [12, с. 390–391].

¹⁹ В перевод внесены необходимые исправления, ср. в оригинале:

Koly na roxatku r. 1914. v ukrains'kij poeziji pojavyvs'a futuryzm, joho z usiq bokiv prysudyly na bezslavnu smert'. Skriz' i zavzdy hovorylos'a pro te, wxo na ukrajins'kim grynti takyj “I'uksus” jak futuryzm, rix vypadkova j ne zytt'ova, a tomu ce nepryrodn'e j huze javywxе musyt' odmerty.

Tak hovorylos'a, tak pysalos'a, j zdavalos'a, wxo tak vono j bulo spravdi. Myqajl' Semenko ovhyj xas був samotnim, a joho kverofuturyzm (pomis' futurizmiv ego j kubo) ne znaqodyv pryqyl'nykiv i nasliduvaxiv. Ce niby stverdzuvalos'a j tym faktom, wxo ukrajins'kyj futuryzm, reprezentovanyj samym Semenkom, qytavs'a j borsavs'a pravorux i livorux — od symbolizmu j impresionizmu do estetyxnoho futuryzmy j kraniq mež destrukciji.

Как следует из этого монолога, такая, казалось бы, выигрышная «смесь футуризма эго- и кубо-» осталась не востребовавшей ни украинскими, ни южно-русскими поэтами вплоть до начала 1920-х гг., отмеченных решительной сменой художественной парадигмы. Первое пореволюционное время, когда Гамма выступил на литературную сцену, предполагало сохранение исчезающей на глазах традиционной культуры и отповедь насаждаемому большевиками новому искусству, в обиход которого был также включен футуризм²⁰.

Не случаен поэтому показательный выпад Гаммы против запаздывающих «адептов футуризма»²¹, которых он изобразил как представителей «большевистской реакции против безыдейного, по их мнению, творчества до-футуристического периода». Его памфлет «Футуризм», появившийся летом 1918 г., предварялся эпиграфом из «Братьев Карамазовых»:

— Послушайте, теперь вашего брата судят за то, что он отца убил, и все любят, что он отца убил.

— Любят, что отца убил?

Выступая с охранительно-консервативных позиций, Гамма с особым пафосом вынуждался защищать «мистическую сущность души русского общества» от футуризма, представленного им как явственный признак

Ale xy bulo ce spravdi tak? Bezperexno, ni. I ce dovodyt' ne til'ky blyskuxy j roskvit futuryzmu v ukrajins'kij poeziji naway dniv, — ce stverdžujut' i real'ni obstavyny xasiv povstann'a futuryzmu na ukrajins'kim grunti.

(*Cebro Anatol' <Семенко М.>. Futuryzm v ukrajins'kij poeziji. (1914–1922) // Семафор у Майбутнє / Semafor U Majbutn'e. Нумер перший (Май). Київ: Vydavnytvo Golfstrom, 1922. С. 40).*

²⁰ Ср. соответствующий комментарий [24, с. 179] к оговорке южно-русского литератора: «С именами Шершеневича, Конст. Большакова, Николая Асеева, Боброва, Пастернака <...> связана новейшая эпоха. Для этого поколения уже не существовало тихих зорь. Шершеневич еще кое-что сохранил по детской памяти, кое-что слышал от отца, от его друзей. Остальные — чистейшие скифы, мешочники от поэзии. Когда те, другие, настоящие мешочники, слезут с крыш вагонов и научатся читать — их любимым поэтом будет, конечно, не Блок (человек для них явно ненужный), не Клюев, не Есенин, не Орешин (русаки какой-то умопомрачительной, чисто немецкой реконструкции), не Андрей Белый, не Валерий Брюсов, не Вяч. Иванов (плеяда, тщетно старающаяся подновиться). Мешочники для выборов короля поэтов придут в Политехнический музей в Москве, в Тенишевское училище в Петербурге. В Петербурге их встретит матерной бранью Маяковский, и они легко поймут друг друга...» [3, с. 137].

²¹ См. замечание Виктора Шкловского о пореволюционном футуризме в контексте южно-русской поэтической традиции: «Футуризм, родившийся от стремления передать новые ощущения мира или думающий, что он так родился, говорил в эти дни общими понятиями» (*Шкловский В. О надежде — воспоминание о будущем // Эдуард Багрицкий. Альманах под редакцией Влад. Нарбута. М.: Советский писатель, 1936. С. 296).*

общественного регресса и деградации, который оказывает вредное влияние на «глубоко христианскую русскую культуру».

Впрочем, натянутые обобщения и гневные филиппики Гаммы, направленные, в том числе, против «антикультурных, аморалистических тенденций и в модном танце „танго“», в целом звучали достаточно комично:

Потому-то русское общество, всегда благоговейно оберегавшее искусство от наносных, отрицательных элементов, во все времена сильно реагировавшее на всякого рода новшества, ныне концентрирует всё внимание на так называемом футуристическом движении, этом *l'enfant terrible* современного искусства, нашедшем, к величайшему сожалению, и у нас, в России, «смелых молодых людей» — застрельщиков и однодумных подражателей-модников.

Потому-то русское общество силится разрешить связанный с этим новым течением вопрос: «Куда мы? К светлому ли будущему или к темному доисторическому прошлому?» Являются ли адепты «футуризма» просто «смелыми молодыми людьми», служат ли их тенденции своего рода большевистской реакцией против безыдейного, по их мнению, творчества дофутуристического периода, — для жрецов возвышенного, чистого искусства ясно и несомненно одно: «футуризм», эта заразившая верхи общества мода, представляющая собой определенный скачок назад, это явное проявление атавизма, означающее полный возврат к жизни доисторических наших предков. И смешные раскрашенные физиономии «футуристов» — ничто иное, как полный возврат к обычаям дикарей татуировать, разрисовывать некоторые части тела. <...> Наконец, «их» литература, состоящая из непонятного набора слов, а порой только из гласных или согласных звуков, тем более подтверждает о возврате к тому доисторическому состоянию нашего предка, когда последний, не обладая совершенно способностью стройными сочетаниями выражать определенные понятия, воспроизводил те или иные переживания интонациями или жестами. <...> Но ведь и животные обладают аналогичными способностями... Разве в мычании коров²², в лае псов не слышится порой «настроения»? <...> С другой же стороны, можно согласиться с мнением талантливого русского критика Корнея Чуковского, нашедшего

²² Стихотворение «А Вы могли бы?» было включено Маяковским в его первый полноценный сборник стихотворений «Простое как мычание» (Пг.: Парус, 1916). Ср. в обзоре литературы 1916 г.: «Совсем в стороне от прочих поставлю две книги Вл. Маяковского “Флейта позвоночника” <sic!> и “Простое, как мычание”. У этого поэта нагромождение образов сочетается с большой, прямо потрясающей силой парадокса. Некоторая грубость и недопустимая смелость рифм и ассонансов умаляет подлинный талант поэта (*Бобович Бор*. Литература в истекшем году // Южная мысль. (Одесса). 1917. № 1. 1 января. С. 2).

все необходимые черты истого футуризма в творчестве американского поэта-демократа Уота Уитмана, открывшего за постижимыми перспективами какие-то «новые солнца» еще неведомых нам небес, создавшего пророческой мощью своего гения симфонический образ грядущего мира, долженствующего возникнуть на развалинах нынешнего человеческого общества²³. Поэтому-то русское общество должно напрячь нечеловеческие силы, что <бы> встряхнуться, чтобы вырваться на «свет Божий» и через очистительный гнев вернуться к культу еще не умерших в нас старых богов родного творчества. Убивший же отца своего да смирится перед гневом Господним и судом человеческим²⁴.

В такой же степени поэтическая продукция Гаммы, печатавшаяся сначала в сатирическом журнале «Бомба»²⁵, а после в недолговечном

²³ Ср. велеречивую концовку памфлета Чуковского:

Будущее, будущее, — это у всех как психоз: непременно стать небывальыми, новыми, пусть и плохими, но будущими, словно будущее, само по себе, будущее, как самоцель, может служить мерилом наших духовных ценностей. Конечно, этот культ новизны объясняется всё тем-же бешеным темпом тротуарной мелькающей жизни, но, за исключением робких куплетцев всё о тех же моторах, аэропланах, витринах, — что же истинно нового, будущего таит в себе неустрашимый футуризм? Ничего, ни единой черты. Как они ни гнались за будущим, будущее ускользнуло от них. И когда я всматриваюсь в этих вершковских новаторов, в их надрывную нервическую скачку за какой-то завтрашней секундой, — хотя секунда есть только секунда: мелькнула, и вот ея нет! — я вспоминаю другого поэта, библейски-величавого барда, циклопического старца-пророка, который, много десятилетий назад, сподобился встать пред миром, как первый поэт-футурист, первый предвестник грядущего, — не грядущих секунд, а веков! — и отпечатлел в своем творчестве — молитвы, чаяния, страсти и верования будущей неустрашимой эпохи, воплотив ее всю в изумительном единственном слове, о котором почему-то позабыли наши эго- и кубо-поэты — в титаническом слове: демократия. Я конечно, говорю о Уоте Уитмане. Демократия! только в ней наш удел, только в ней наше неизбежное будущее, наш истинно-футуристический быт. Я уже рассказал в другом месте о том нечеловеческом экстазе, том широчайшем размахе безумной грандиозной фантазии, с которой наш великий футурист преобразил демократию будущего — ту, о которой мы только скудно мечтаем, — в какое-то новое солнце каких-то новых небес и всю вселенную увидел по-новому глазами этих новых грядущих людей!

Но, конечно, его футуризм возник не в шелковой желтой гостиной, а в сутолоке демократических толп, где нет ни озерзамков, ни грезёров, ни виконтесс-кокотесс! [27, с. 134–135] (сохранены орфография и пунктуация оригинала).

²⁴ *Гамма А.* Футуризм (памфлет) // Южный Огонёк. (Одесса). 1918. № 6. 9 июня (27 мая). С. 12–13. Другой его фельетон появился в том же журнале две недели спустя: *Гамма А.* Да здравствует жизнь! (Призыв) // Южный Огонёк. (Одесса). 1918. № 7. 23 (10) июня. С. 11–12.

²⁵ «Бомба» занимала особое место в обиходе одесских сатирических изданий. Ср.: «Наиболее известным и популярным журналом была “Бомба”, “журнал революционной сатиры”, выходявший в 1917–1919 гг. Всего вышло 43 номера <...>. “Бомба” была журналом многоцветным, выходила с большим количеством иллюстраций, на каждой странице — две-три карикатуры. <...> Журнал публиковал прозу и стихи как уже известных, так и начинающих литераторов. <...> “Молодые

еженедельнике «Жизнь»²⁶, не соответствовала установившимся во второй половине 1910-х гг. качественным стандартам южно-русской литературной культуры. Немногочисленные публикации Гаммы были тщательно учтены С. Лущиком в его впечатляющей картотеке, сверяясь с которой, мы извлекли эти стихотворения из тогдашней одесской периодики.

РОССИЯ

В вечерней мгле слеза воспоминаний.

А. Пушкин

Как сфинкс, лежишь ты, Русь, меж двух материков,
Сращая жилами два тела Океана:
От рудоносных гор до скифского кургана,
От вод беринговых до финских берегов.

Там, где мешая в песнях блудность и богов,
Монгол ковал копье для вражеского стана,
Славянский колос твой зерном тягчился рдяно,
И пляшешь, пьяная, под хохот мужиков...

Я двойственен, как ты. В душе моей певучей
Два солнца зыблются, мечты мои паля,
Как ты, бессильный я, как ты, о, Русь, могучий.
О, *ширь*, таящая непройденные тропы,
Безумных цезарей исконная Земля,
Европа Азии, но *Азия* Европы²⁷.

писатели и художники безнадежно толпились в редакциях журнала революционной сатиры “Бомба”, литературного журнала “Огоньки”... Возможность печататься была сильно ограничена небольшой емкостью указанных изданий, а редактор (фактически Б.Д. Флит) неохотно пускал в печать молодых, тогда еще неизвестных авторов”, — утверждал современник событий <...>. [О]дно стихотворение опубликовал в “Бомбе” начинающий поэт Э. Багрицкий» [6, с. 24]. См. также: [30; 7].

²⁶ Об этом журнале, выходившем с июня по декабрь 1918 г., во время австро-немецкой оккупации Одессы, см.: [16, с. 120–121; 2, с. 27; 28; 37]. В последнем декабрьском выпуске «Жизни» была опубликована поминальная статья Б. Бобовича «Памяти Анатолия Фиолетова» (№ 28. С. 7).

²⁷ Бомба. 1918. № 36. С. 9.

У МОРЯ (Картинка с натуры)

Полднемным зноем выпит воздух,
Я обморочен гулом пчёл.
И с моря просится на роздых
Неповинующийся чёлн.
А солнце свой обычный опыт
Свершает, словно водомер...
Цветных купальщиц вызвал ропот
Прелюбопытный кавалер.
А за скалою рассечённой,
Где быстрых пяток брошен след,
Давлением воды смущённый,
Вздыхает мокрый Архимед...
Я пролежу в песках измятых,
Как раковина, мал и строг,
Чтоб ввечеру в рыбацких хатах
Сбирать обеденный оброк²⁸.

У РЕК ПЛАЧА

О, стань стрела минут двенадцатого часа,
Вздымитесь к небу вновь персты былых побед.
Восток-Христовов щит закатом опоясан
И Римом цезарей сражен и не отпет.
Пусть выи крепкие склонились над пеплом,
Пусть слышится у рек невырыданный стон,
Еще мечты цветут и радость не сослепла,
И в душах дышит торжественных времен.
Мы принесем рассвет к оплаканым истокам,
Мы выпьем душу тьмы и скорбь столетних уз,
И Дева Запада склонится пред Востоком,
И выйдет к жатвам вновь воскресший Иисус...²⁹

²⁸ Бомба. 1918. № 37. С. 14.

²⁹ Бомба. 1918. № 38. С. 13.

CARMEN ROMAE

Благословенны те, кто в Риме был рожден,
Чей Посох путь обрел в затерянной святыне.
Я вновь пою тебя, о, ржавый небосклон,
Где боги древние молились по-латыни.
Я здесь один брожу. Продымленный закат
Сгорает медленно, игре часов послушен.
И степи римские торжественно молчат,
И сердце позднее молитвенней и глуше.
Да глянут в душу мне глаза былых веков,
Да будет небо мне волчицей благосклонной,
Чтоб, вспомнив Августа, молиться на врагов
Словами мудрыми седого Сципиона³⁰.

ПО СЛЕДАМ БОГОВ

Здесь лирой северной пустыни оглашая
Пушкин

Тревожны крылья дальней птицы.
Спит богомольная Земля.
Проходит Август смуглолицый
И метит ржавчиной поля.
 День побежден в неравной розни,
 Ползущим сумраком томим...
 Влеки ж меня, мой посох поздний
 Дорогой древнею на Рим!
Как сладко здесь скитальцу жизни,
Где ночь суровой и темней,
Молиться радостно отчизне,
Благословлять следы тех дней,
 Когда, от жажды пламенея,
 Под скрип дряхлеющих шагов,
 Седой Вергилий пел Энея
 В толпе кочующих богов³¹.

³⁰ Жизнь. 1918. № 7. (Июль). С. 2.

³¹ Жизнь. 1918. № 10. (Август). С. 2.

ПАПА РИМСКИЙ

и некто дивный бых
И говорил со мною.
Аполлон Майков

О вольный пленник Ватикана,
Надменны ритор Божества,
Я слышу в сумраке тумана
Твои премудрые слова...

От трапезы Вина и Хлеба
Бредешь с торжественной тоской,
Чтоб гром трагического Неба
Смирить дряхлеющей рукой,
И мантией непримиримой,
Тревожа мертвенную тишь,
Ты жезл апостольского Рима
В седом величии влачишь.

В те дни, когда к Востоку стопы
Стремили рыцари Креста,
Была скептической Европой
Твоя осмеяна Мечта;
И вот досель душой великой,
Презрев витийственное зло —
Ты только пред распятым Ликом
Клонишь суровое чело.

И я скиталец одинокий
Молю, повержен пред тобой —
Да будет жребий твой жестокий —
Моей немислимой Судьбой,
Чтобы как ты, в молитвах тайных
Глушить вскипающую страсть,
И спорить с пришлецом случайным,
Как с Императором — за власть!³²

³² Жизнь. 1918. № 17. (Сентябрь). С. 8.

И всё же литературное признание Гаммы так и не состоялось: на 22 году жизни он умер от «испанки» (*La Pesadilla*), о чем была сделана соответствующая запись в IV Книге «умерших в гор. Одессе евреев на 1918 год»:

«№ 1572 Сентябрь 26 лет 22 <от> крупозного воспаления легких Натан Гамма»³³.

Единственная посмертная публикация Гаммы появилась на первой полосе одного из последних номеров журнала «Жизнь». Особенно обидным следует признать то, что по сравнению с его предшествующими опытами это стихотворение отличалось заметной поэтической зрелостью:

ПЕСНЬ РАДОСТИ

(ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ)

Из цикла «Эпикурейские песни»

...Истина в вине...

А. Пушкин

Первоначальной немотой
Глухие дышат небеса.
Под перезревшей позолотой
Лежат латинские леса.

Цветет коварная услада
В моей тоскующей крови.
Пою я бога винограда
В толпе наперсников любви.

О, старцы, юноши и девы,
Несите мёда и плодов,
Рассыпьте тирские напевы
В глуши классических садов!

Наш высший дар: земное — Богу,
Земле — небесную Мечту.
Мы все за жизненной дорогой
В немую канем пустоту.

³³ Государственный архив Одесской области. Ф. 39. Оп. 5. Ед. хр. 168. Л. 368.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

СЕРБИЯ.

Настает час — и ты воскреснешь снова,
 Улыбай братской нам улыбкой,
 Освободясь от гнета рабского,
 Небси фаллий рабств.
 Настает час — и в блеске новой славы
 Ты новым явисься людям;
 Воскреснешь ты, страна святого Савы —
 И столетиям вразум!
 Победи злых збунго все и шире.
 Воспоешь суд да будет страс!
 Во-креснешь ты — сть справедливости в мѣрѣ
 И геть на небо Бо!

Д. Д. Бохан

К РОДИНѢ.

люблю тебя, раздольная,
 люблю твой шум лесов;
 твои поля привольная,
 простор твоих лугов.
 люблю твои палатки
 оуки весенних дней,
 твои цветы тополя
 над твоим вятбой.
 люблю твою урюкную,
 желтую зиму
 со строгой шурой думом
 болыводной ноги твю
 и саней скорливых
 бубенчики люблю.
 На песенки твои мила
 и твоей душой люблю.
 О, родина раздольная,
 я твой, навѣи твой,
 и песни мои волнила —
 дарю тебе одной...

Михаил Гитерман

ПѢСНЬ РАДОСТИ.

(ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ)

Из цикла «Эпиграммическая поэзия».

«...Истина в вѣнѣ»..
 А. Пушкин.

Корбонагалмск мялостей
 Глухія дмиут небеса.
 Ксо неразрвнвей позолотой
 олежат латинские меса.

Цвѣтот коварная услада
 В ловой тоскующей крѣви.
 Яко я бова винограда
 В толпе напереников любви.

О, старцы, юности и дѣвы,
 Досите меда и плесов,
 Расскажите тирские псалмы
 В гласици классических садов!

Ваши высшій дар: залько — боеу,
 Делать — небесную плесту.
 Или вѣ за физической дорогой
 В ипную канял пустоту.

О, други! чаше предызбранной
 Предайте мудрля сердца,
 И я в торжественности пьяной
 Пить буду радость до конца.

И в час, когда я вилли нарушу
 Безумьем фугачого вина —
 В алялчюк, пивистук думу
 Иль ялят Истина се дна!

Анатолий Гамма.

О, други! чаше предызбранной
 Предайте мудрые сердца,
 И я в торжественности пьяной
 Пить буду радость до конца.

И в час, когда я гимн нарушу
 Безумьем жгучаго вина —

В хмельную, пенистую душу
Мне глянет Истина со дна!³⁴

Несколько некрологов — от друзей и близких, от сослуживцев, но главное — от родных и матери: «Доктор Наум Ионович Эрлихман, Полина Абрамовна Эрлихман с детьми, Лея-Берта Нахмановна Гамма горько оплакивают на заре оборвавшуюся жизнь единственного и даровитого шурина, брата и сына студента Анатолия Гамма, скончавшегося после тяжелой болезни на 22 году жизни. Вынос тела на второе еврейское кладбище сегодня в 1 час дня из дома № 86 по Ришельевской улице», — были напечатаны в газете «Одесские новости». Последний из них (без подписи) представлял его как поэта:

Анатолий Гамма

На 22-м году жизни скончался вчера поэт Анатолий Гамма. Покойный только 2 года тому назад начал свою литературную деятельность. На молодого студента обратили внимание. Он обладал хорошим драматическим баритоном и покойный <Оскар> Кампионский предсказывал ему большую сценическую карьеру. Стихи его отличались блестящим стилем, друзья возлагали большие надежды на его литературное дарование. Покойный работал в местных журналах. Он выступал и в «Бомбе», и в «Огоньках», и в «Жизни». Все надежды друзей разрушила «испанка», унесшая талантливого юношу в могилу³⁵.

Специально о литературной деятельности Гаммы написал Борис Бобович (Бобовик; 1896–1975), впоследствии хроникер одесской

³⁴ Жизнь. 1918. № 21. (Октябрь). С. 1. Здесь же были напечатаны стихотворения «Сербия» Дорофея Бохана и «К Родине» Михаила Гитермана.

³⁵ Одесские новости. 1918. 9 октября (26 сентября). С. 1. См. извещение: «На днях скончался от крупозного воспаления легких молодой талантливый поэт Анатолий <Г>амма» (Фигаро. 1918. № 19. 29 сентября (12 октября). С. 13), а также заметку:

<...> Студенческий литературно-художественный кружок чествует память умершего студента-поэта Анатолия Гаммы. Его друзья, студенты-поэты <...> обрисовывают личность и молодое творчество усопшего <...> не успевших еще вызреть стихов <...>

«Неверным острием дрожит во мне любовь...
Я грезы пью мои. Им в сердце жить не дважды...
Так пьет олень в лесах свою больную кровь
От жала горького предсмертной дикой жажды...»

Потом молодые поэты и поэтессы читали собственные произведения.

(Spectator. Вечер памяти молодого поэта // Одесские новости. 1918. Прибавление к № 10817. 16 (3) октября. С. 2).

культурной жизни 1910-х гг. и мемуарист³⁶. В напечатанном в том же еженедельнике «Жизнь» некрологе он попытался определить поэтические ориентиры Гаммы, назвав в первую очередь имена Валерия Брюсова³⁷ и Шарля Бодлера³⁸:

Памяти Анатолия Гаммы

Невыносимо тяжело писать эти строки, облитые слезами сердца и исполненные болью по юной, так много сулившей жизни, оборванной на 22 году...

Анат. Гамма был одним из местных «молодых» поэтов, на которого возлагались большие надежды в смысле развития его литературных задатков. А то, что эти задатки, несомненно, существовали, то, что они могли бы развиться в яркое и сильное дарование, свидетельствуют те стихи, которые появлялись время от времени на страницах местных изданий.

³⁶ О Б. Бобовиче см.: [32, с. 67–74, 77–78].

³⁷ О влиянии Брюсова на южно-русских поэтов см.: [25, с. 288–289, 293–295, 317–318, 336–337, 357–358]. Ср. оговорку Вл. Пяста в его отзыве об одесском коллективном сборнике 1914 года: «В “Шёлковых фонарях” поэты большей частью “подражают”. Их техника, поэтому, совершенно неинтересна, как бы виртуозна ни была она местами. <...> В книге несколько подражаний “Незнакомке” Блока, несколько — Брюсову, есть Северянину и Гумилеву. И ничего свежего, почти ничего — “своего”» (Отклики: Литература. Искусство. Наука. (Санкт-Петербург). 1914. № 22. 5 июня. (Бесплатное приложение к № 150 газеты «День»). С. 7). См. также: [17, с. 16].

³⁸ Об «эхе» Бодлера у Фиолетова см.: [25, с. 288, 356]. О привязанности к Бодлеру Багрицкого см. в пародии Семена Кесельмана «“Оловянные дудки” — иллюстрированное издание для потомства»: «Главный поэт сборника Эдуард Багрицкий (Дзюбин). Пишущий под псевдонимами: 1) Н. Гумилёв, 2) Теофиль Готье, 3) Леконт де Лиль, 4) Бодлэр...» [11, с. 172–173; 31, с. 308, 310–311]. Ср. строки Исидора Бобовича из стихотворения «Город»:

И город в саване туманов,
Одетый в кружево снегов,
Расцвечен блеском ресторанов,
Как бледным дымом жемчугов...

О город Гойи и Бодлера,
Тебе — изысканность стиха,
Ты с глупой верой Шантеклера
Связал заманчивость греха...

(Шелковые фонари: Стихи. Одесса, 1914. С. 7)

См. также в газетном отчете о новом сезоне Одесского Студенческого литературно-художественного кружка: «Возобновил свою деятельность литературный кружок Новороссийского университета. Вчера состоялся первый вечер поэтов. Интересный доклад о творчестве Шарля Бодлера прочел П<ётр> Ершов. Затем читали свои стихи молодые поэты» (Вечерний час. (Одесса). 1919. № 63. 16 сентября. С. 2).

Поклонник мощной творческой эрудиции Бодлера, Гамма сначала следовал его ритмическому и тематическому обаянию, затем его подчинила себе поэзия Валерия Брюсова, но в страстном желании индивидуализировать, обновить, определить свою поэтическую физиономию Анатолий Гамма начинает сбрасывать с себя цепи подражательности для того, чтобы отдаться стройному и изящному бегу собственных, порой действительно своеобразных образов.

И на пути этого стремления мы встречаемся у него наряду с интересными образцами живой романтики, стихи овеванные глубокой, чистой, умиротворяющей лирикой...

Любовь, всегда любовь... Вот, что стало стимулом его последних творческих устремлений.

«Неверным острием дрожит во мне любовь...
Я грезы пью мои. Им в сердце жить не дважды...
Так пьет олень в лесах свою больную кровь
От жала горького предсмертной дикой жажды...»

И этот юноша, как нежный лотос, направлял душу свою навстречу голубым озареньям неба он горячо и страстно желавший жить, быть может, уже слышал железные шаги неумолимой смерти, когда говорил —

«Яви за безднами дорогу
Где несказанный, вечный путь,
Где мог бы я услышать Бога
И в нем былинкой потонуть».

И смерть пришла. И отняла весеннюю жизнь оборвала такой чудесный, такой белый цветок...

Да будет память о тебе, дорогой друг, говорить нам о той высокой ясности, о тех подлинных эстетических возможностях, которые трепетали в твоей юной, так бессмысленно рассеянной душе³⁹.

После гибели Анатолия Фиолетова имя Гаммы стало появляться в «двойных некрологах», например, в написанном поэтом Анатолием Соколовским: «Злой рок тяготеет над нами. <...> Месяца два тому назад от воспаления легких умер совсем еще юный, подававший надежды поэт Анатолий Гамма. Ныне, с глубокой грустью приходится примириться с тра-

³⁹ Жизнь. (Одесса). 1918. № 20. (Октябрь). С. 15.

гической смертью 22-летнего Анатолия Васильевича Фиолетова»⁴⁰. В этом ряду и следующая заметка памяти двух одесских поэтов:

О двух Анатолиях (Ан. Гамма, Ан. Фиолетов)

(Скорбные строки)

Я знала их — милых бледных юношей, писавших нежные скорбные стихи, о которых недавно и весьма благоприятно заговорили серьезные критики.

Оба худые, с белыми длинными пальцами и голубыми, как небо, глазами, вечно мечтавшие о столице, о стихах, об образах...

В последние сумбурные годы, когда растаптывалось всё то, что было создано вековой культурой, они, как дети, плакали по растерзанной России и каждая строчка создавалась капельками слез...

Их не стало!

Какой-то бессмысленной смертью пали оба — первый от безжалостной «испанки», а второй — от маленькой свинцовой пульки, выпущенной злодеем.

Безрадостная Смерть в диком порыве оборвала хрупкие крылья у двух двадцати-трехлетних мальчиков, не успевших допеть свои звучные песни Солнца, Любви, Красоты!..

Ангелика д'Эспрэ⁴¹.

Напечатанная в первом и единственном номере харьковского иллюстрированного еженедельника «Музы», увидевшем свет в сентябре 1919 г., она дает самое поверхностное представление «о двух Анатолиях», но зато кое-что говорит об авторе этих «скорбных строк».

⁴⁰ Соколовский А. Памяти поэта Анатолия Фиолетова // Одесские новости. 1918. 29 (16) ноября. С. 4. Ср. также: «Уже второй талантливый поэт в течение короткого срока преждевременно сходит в могилу... Прежде Анатолий Гамма, теперь Анатолий Фиолетов» (Ал. Ш. <Шапиро А.> Памяти Анатолия Фиолетова // Мельпомена. (Одесса). 1918. № 35. 30 ноября. С. 13). «Налаживаются литературные среды. Один из таких вечеров посвящается памяти умерших поэтов Анатолия Гаммы и Анатолия Фиолетова» (<Б. п.> Театральные негативы // Вечерний час. (Одесса). 1919. № 63. 16 сентября. С. 2). См. тщательно собранный свод этих документальных и, одновременно, мемуарных свидетельств: [36; 26, с. 135–152].

⁴¹ Музы. (Харьков). Иллюстрированный еженедельник, посвященный литературе, театру и обществен<ной> мысли. 1919. № 1 (Сентябрь). С. 11.

Почти безусловно за напыщенно куртуазным псевдонимом укрылся Лев Никулин (1891–1967), который вырос в Одессе⁴² и даже закончил местное Коммерческое училище⁴³. Там же состоялся и его литературный дебют: 12 февраля 1910 г. он напечатал в газете «Одесский листок» стихотворение «На смерть В.Ф. Комиссаржевской» («Чайка усталая, чайка свободная...») за подписью «Лео П.»⁴⁴. О том, как Никулин взбирался на Парнас, рассказал в XIV главе своих воспоминаний «Вокруг Ордынки. Портреты» отец Михаил (Ардов):

В 1911 г. Л.В. Никулин стал студентом Московского коммерческого института, тогда-то и началась его литературная карьера. Он писал театральные рецензии, фельетоны, а также сценки для театра миниатюр «Летучая мышь». Он познакомился и подружился с Александром Вергинским и иногда писал для него тексты песен.

Именно в те времена Никулин сочинил четверостишие, которому была суждена весьма долгая жизнь — его помнят даже люди моего поколения:

У кошки четыре ноги,
Позади ее длинный хвост,
И тронуть ее не моги,
Несмотря на малый рост.

В официальной советской биографии Льва Вениаминовича говорится, что во время Гражданской войны «он пишет политические сказки-агитки, героическую феерию “Все к оружию”, памфлеты на гетмана Петлюру и “прочих до власти охочих”»... Но притом Никулин был отнюдь не чужд и влияниям «серебряного века», а доказательством тому служит его книга, вышедшая в 1918 году в Москве (издательство «Зеленый остров»), — «История и стихи Анжелики Сафьяновой 1913–1918 с приложением ее родословного древа и стихов, посвященных ей». Это — литературная мистификация, нечто

⁴² См.: «Насколько мне известно, он вместе с братьями и сестрами вырос в Одессе. Помнится, рассказывалась такая история: когда будущему писателю исполнилось пятнадцать, ему очень хотелось вместе со сверстниками вечерами прогуливаться по Дерибасовской улице. Взрослые, разумеется, возражали, и на этой почве возникали конфликты. В спор вступала восьмидесятилетняя бабушка, говорившая внуку: — Лёвочка, ну почему мне не хочется на Дерибасовскую?..» [1].

⁴³ «В Одессе Никулин учился в том же коммерческом училище, что и Бабель, который был на год старше. Встретившись, уже в 1920-е, в редакции журнала “30 дней”, они друг друга вспомнили» [9, с. 618].

⁴⁴ См. примечание: «Авторство установлено на основании письма Л.В. Никулина составителям» [14, с. 251].

вроде волошинской «Черубины де Габриак», и там есть вовсе не дурные строки:

В тяжелые барки сбегают рабы,
 Как было в галерах старого флота.
 И как не устали вставать на дыбы
 На мосту лошади Клодта [1].

Nom de plume «Анжелика Сафьянова» Никулин учредил уже в своей первой брошюрке — «О старце Григории и русской истории. Сказка наших дней» (М., <1917>)⁴⁵. Выход этой безделицы был благополучно игнорирован критикой, однако эмоциональные излияния, собранные в «Истории и стихах», заслужили некоторое число откликов⁴⁶. Так, один из критиков обращал внимание на то, что в сочинениях Сафьяновой «“подчас сильно заметны влияния, но влияния неизменно прекрасных образцов, как-то: (Брюсова, Блока, Ахматовой и др.)” (Мокульский С. “Лирическое matinee” // Русский голос. Киев, 1918. 24 (11) сентября)». Разыскавший этот и другие отзывы на стихи «барышни», Роман Тименчик отметил, что о никулинской мистификации «писали как об “эпигонски разрабатывающей темы И. Северянина и А. Ахматовой” (Тагер Е. Л. Никулин // Литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1934. С. 85)» [22, с. 61].

Стихи на «злобу дня», в том числе и откровенно политические, в дальнейшем стали основным жанром Никулина, выше которого его чрезвычайно скромный (и почти незаметный) поэтический талант уже не поднялся. Как написал Александр Соболев, «дисгармония между жизнью автора и его незамысловатым alter ego вызвала позднее замечание <Виктора> Шкловского: “Биография Льва Никулина мужская, с поступками, разорвалась с его литературным обликом”» [21, с. 824]⁴⁷. Историческая ирония заключалась в том, что проживший долгую жизнь Никулин остался в культурной памяти исключительно как персонаж эпиграммы, которую цитировал Юлиан Оксман:

⁴⁵ Необходимо обратить внимание, что публикации «Анжелики Сафьяновой» первоначально появились в журналах «Сатирикон» (1913. № 48. С. 2; № 49. С. 7) [14, с. 251–252] и «Весна» (1914. № 2. С. 11–15; под заглавием «Дебют Анжелики Сафьяновой») [20, с. 104–105].

⁴⁶ См. отдельные высказывания, подобранные А.Л. Соболевым для его справки о Никулине в издании: [21, с. 824–825].

⁴⁷ «Лев Никулин был сперва пародистом, — писал Шкловский. — До пародии его не было, потому что он писал, подчиняясь представлениям о красавице <...>. Биография Льва Никулина мужская, с поступками, разорвалась с его литературным обликом. <...> Через очерковую прозу он пришел к мемуарам и получил голос, уже посевев» [29, с. 470, 474].

Никулин Лев, стукач-надомник,
В Гослите издает двухтомник⁴⁸, —

и как «сталинский холуй», по меткому слову Сергея Довлатова [4, с. 33].

В 1919 г. Никулин вернулся в Украину и работал в бюро печати и в агитпросветуправлении Киевского военного округа, просуществовавшего с марта по 23 августа, когда РККА упразднила КВО под угрозой потери Киева⁴⁹. До своего бегства из Украины (и последующего благополучного обретения должности в политуправлении Балтфлота)⁵⁰ Никулин успел выпустить в эфемерном «издательстве поэтов “Обелиск”» книжку политической сатиры «Страдиварий: Стихи» (Киев, 1919)⁵¹. Кроме того, некоторые его публикации появились в русскоязычной периодике Украины. В харьковском журнале «Колосья», недолговременно выходившем в эсеровском издательстве «Социалистическая мысль», был напечатан «отрывок из поэмы» под названием «Павел 1-ый»⁵². Еще раньше в киевском журнале «Театрал» под той же вуалью «Анжелики Сафьяновой» вышел фельетон «Стихи Ахматовой на эстраде» [22, с. 62].

На исходе 1919 г. появление имени Гаммы рядом с именем Фиолетова утверждало определенный уровень признания на карте поэтической Одессы, которого не достигли ни Никулин, ни Соколовский, ни даже планомерно

⁴⁸ См.: [23, р. 524]. М. Ардов приводил расширенный текст эпиграммы, ретроспективно приписывая ее авторство (что само по себе сомнительно) прозаику Эммануилу Казакевичу:

Никулин Лев, стукач-надомник,
Весною выпустил трехтомник.
Рекою мутной в три струи
Его творения текли
И низвергались прямо в Лету,
И завонялась Лета к лету [1].

⁴⁹ «В 1919 он оказывается в Киеве, где в ставшем позднее известным “ХЛАМе” собиралась местная творческая молодежь и столичные поэты и художники, покинувшие голодный Петроград. <...> О киевском “ХЛАме” писали в воспоминаниях и Эренбург, и Терапиано и многие другие, в том числе Надежда Мандельштам: “Во всяком случае, никто из тех, кто стал художником, циником не был, хотя и повторял любимое изречение Никулина: “Мы не Достоевские, нам лишь бы деньги...”» [9, с. 619].

⁵⁰ См. инскрипт Юрию Лебединскому на «Истории и стихах Анжелики Сафьяновой»: «Милому другу Лебединскому с приветом в память жития в Киевской эмиграции в год 1918 от Р. Х. Октябрь <19>29 Л. Никулин» (Аукцион № 20: Антикварные книги, автографы, карты и открытки. 2 июня 2012 г. М.: Аукционный Дом «Империум», 2012. С. 107, лот № 297).

⁵¹ Считалось, что книга вышла уже после прихода в Киев «белой гвардии», но нашелся экземпляр с инскриптом: ««Марии Карловне (фамилия обрезана. — А. Я., А. У.) с приветом и в надежде встреч в Москве. 1919. Л. Никулин» (<https://www.litfund.ru/auction/106/234/>).

⁵² Колосья: Еженедельник под редакцией Феликса Кона и Валентина Рожицына (Харьков). 1918. № 10. С. 4. «Отрывок» сопровождался указанием на географическую аффилиацию автора: «Лев Никулин. Москва».

добивавшийся этого Георгий Шенгели. Тем самым, Гамма непреложно оказывался частью того феномена, который Виктор Шкловский назвал «Юго-западной литературной школой». В своем очерке 1932 года «Юго-Запад»⁵³ он пояснял уникальную природу этого культурного явления:

Конечно, не география определяет литературные школы. Но социальные отношения в определенном географическом пункте в определенное время своеобразны, и тут нужно помнить и о географии. Трудность вопроса еще в том, что юго-западная школа — это школа русской литературы, осуществленная на украинской территории. Здесь многое объясняется тем, что Одесса — порт. Мы должны вспомнить культуру Александрии, греческую на территории Египта. Причем, конечно, александрийская греческая культура — она и не греческая и не египетская. <...> Город когда-то бывший городом анекдотов, город русских левантинцев, юго-запад России, который для начала XX века был тем, чем были для XVII–XVIII веков Астрахань и Архангельск, город Одесса стал центром новой литературной школы [29, с. 470–471]⁵⁴.

Если Фиолетов на всем протяжении 1910-х гг. и в особенности после выхода его книги «Зеленые Агаты» (Одесса, 1914), как мы стремились рассказать в соответствующих работах о его литературной эволюции [35; 34; 33; 25, с. 269–378], выступал в качестве примечательного протагониста культурной жизни Одессы, то появление поэта Анатолия Гаммы пришлось на самую концовку этого десятилетия, на период разлома всех прежде сложившихся общественных отношений и художественных условностей.

Представленная здесь его литературная биография — это еще одна прежде не прочитанная страница «Юго-западной литературной школы».

⁵³ Очерк появился в «Литературной газете» (1933. 5 января. № 1 (229). С. 3) в рубрике «Писатели о творческих вопросах». Тогда ЛГ еще не скатилась в мракобесие и выходила «под редакцией: Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевич». Ответственным редактором газеты выступал Сергей Динамов.

⁵⁴ В рукописи очерк имел более определяющее название: «Южно-русская школа в борьбе за сюжетный стих и сюжетную прозу» [29, с. 538]. Именно этим названием определена соответствующая кода Шкловского: «Южно-русская школа будет иметь очень большое влияние на следующий *сюжетный* (курсив наш. — А. Я., А. У.) период советской литературы. Это — литература, а не только материал для мемуаров» [29, с. 475].

Литература

1. Ардов М. Вокруг Ордынки. Портреты // Новый мир. 1999. № 6. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1999_6/Content/Publication6_4338/Default.aspx (дата обращения: 11.02.2021).
2. Бельский М., Ижик Л. Журналы старой Одессы: Справочник. Одесса: ВМВ, 2008. 117 с.
3. Ветлугин А. Сочинения: «Записки мерзавца» / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Николаева. М.: Лаком, 2000. 464 с.
4. Довлатов С. Записные книжки: Ленинград 1967–1978. Л.: Искусство, 1992. 86 с.
5. Кесельман С. Стекланные сны: стихи / сост., авт. статей и коммент. С. Лущик, О. Барковская, Е. Голубовский, А. Яворская. Одесса: ВМВ, 2013. 236 с.
6. Киянская О., Яворская Е. Одесский сатирический журнал «Бомба»: из материалов уголовного дела журналиста Бориса Флита // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2018. № 1 (34). С. 23–30.
7. Кнеллер М. Журнал «Бомба» в фондах ОЛМ // Дом князя Гагарина: Сб. научных статей и публикаций. Одесса: Симекс-принт, 2011. Вып. 6. Т. 1. (Одесский литературный музей). С. 216–256.
8. Крусанов А. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 2. 1104 с.
9. «...Курсировали из Москвы в Париж...»: Из переписки Юрия Анненкова и Льва Никулина / публ. И. Обуховой-Зелинской // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 4. С. 617–628.
10. Лацис А. Красная гвоздика: Воспоминания / лит. запись Ю. Карагача. Рига: Лиесма, 1984. 183 с.
11. Лущик С. Вениамин Бабаджан. Жизнь и творчество // Бабаджан В. Из творческого наследия: в 2 т. / сост. С. Лущик, А. Яворская. Одесса: Optimum, 2004. Т. II. С. 361–494.
12. Лущик С. Чудо в пустыне. Одесские альманахи 1914–1917 годов // Дом князя Гагарина. Сб. научных статей и публикаций. Одесса: ЗАО «Пласке», 2004. Вып. 3. Ч. 1. С. 166–236.
13. Михайль Семенко и украинский панфутуризм / сост. А. Белой и А. Россомахина. СПб: Изд. Европейского университета, 2016. 416 с.
14. Никулин Лев Вениаминович / сост. Б. Кандель // Русские советские писатели. Прозаики: Биобиблиографический указатель. Л.: ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1964. Т. 3: Макаренко — М. Пришвин. С. 234–279.
15. Обатнин Г. Из литературной жизни непрофильных учебных заведений (на примере Психоневрологического института) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 124–169.
16. Одеська періодична преса років революції та громадянської війни 1917–1921 р. / под ред. С. Рубинштейна. Одесса, 1929. 180 с.
17. Парнис А. Голос времени. К 90-летию со дня рождения Эдуарда Багрицкого // Книжное обозрение. 1985. 1 ноября. № 44. С. 16.
18. Петровский М. Городу и миру: Киевские очерки. Киев: Радянський письменник, 1990. 335 с.
19. Семенко М. Кобзарь. Повний збірник поетичних творів в одному томі. Київ: Гольфштром / Golfstrom, 1924. 646 с.
20. Соболев А. Весна. Орган независимых писателей и художников: Аннотированный указатель содержания. М.: Трутень, 2012. 164 с.

21. *Соболев А., Тименчик Р.* Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888–1972. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.
22. *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь: Крымский Архив, 2010. Вып. 8 / сост. и науч. ред. Г. Темненко. С. 34–71.
23. *Устинов А.* Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю.Г. Оксмана к Л.Л. Домгеру // Темы и вариации. Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана | Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / ed. by Konstantin Polivanov, Irina Shevelenko, Andrey Ustinov. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8). Stanford: Berkeley Slavic Specialties, 1994. P. 471–544.
24. *Устинов А.* Русская поэзия 100 лет назад: взгляд из Ростова // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 173–184.
25. *Устинов А.* Letum non omnia finit: Анатолий Фиолетов и литературная культура 1910-х годов // *Фиолетов А.* «Как холодно розовым грушам». Стихи. Документы. Статьи о поэте / сост. Е. Голубовский, А. Яворская. Одесса: ФОП Бондаренко М.А., 2019. С. 269–378.
26. *Фиолетов А.* «Как холодно розовым грушам». Стихи. Документы. Статьи о поэте / сост. Е. Голубовский, А. Яворская. Одесса: ФОП Бондаренко М.А., 2019. 380 с.
27. *Чуковский К.* Эго-футуристы и кубо-футуристы // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1914. Кн. 22. С. 95–135.
28. *Шабельская Е.* Журнал «Жизнь» в фондах ОЛИМ // Дом князя Гагарина: Сб. научных статей и публикаций. Одесса: Симекс-принт, 2011. Вып. 6. Т. 1. (Одесский литературный музей). С. 257–286.
29. *Шкловский В.* Гамбургский счет: Статьи — Воспоминания — Эссе. (1914–1933) / сост. А. Галушкина и А. Чудакова. М.: Советский писатель, 1990. 544 с.
30. *Щурова Т.* «...И красный гимн поют свирели» // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. 2007. № 29. С. 274–284.
31. *Яворская А.* «Чудо в пустыне серебряных труб» // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. 2015. № IV (63). С. 308, 310–311.
32. *Яворская А.* Забытые и знаменитые. Очерки. Одесса: Optimum, 2006. 236 с.
33. *Яворская А.* Материалы о Натане Шоре в Государственном архиве Одесской области // *Фиолетов А.* «Как холодно розовым грушам». Стихи. Документы. Статьи о поэте / сост. Е. Голубовский, А. Яворская. Одесса: ФОП Бондаренко М.А., 2019. С. 251–258.
34. *Яворская А.* Это было, было в Одессе... Первые годы южнорусской литературной школы // *Шишова З.* Сильнее любви и смерти. Книги стихов: «Пенатъ», «Блокада», «Многолетье». Воспоминания. Письма / сост. Д. Лосева. подг. текста, вступ. ст. и комм. А. Яворской. Феодосия; М., 2011. С. 7–36.
35. *Яворская А., Голубовский Е.* Багрицкий и Фиолетов // Всемирные одесские новости. 2008. № 3 (71). Декабрь. С. 7–8.
36. *Яворская Е.* Одесская пресса 1918–1919 гг. о гибели Анатолия Фиолетова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 6 (68). С. 49–54.
37. *Яворская Е.* Одесский литературный журнал «Жизнь» в историко-политической ситуации 1918 г. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 5. С. 24–28.
38. *Иныткыч Oleh S.* Ukrainian Futurism, 1914–1930. A Historical and Critical Study. Cambridge, Mass.: Ukrainian Research Institute; Harvard University Press, 1997. 413 p.

Research Article

Two Anatolys and One “Angelica”: On the History of the “Southwestern Literary School”

© 2021. Alena L. Yavorskaya, Andrei B. Ustinov

Odessa, Ukraine;
San Francisco, USA

Abstract: The subject of the paper is the cultural life of Odessa in the 1910s, and the reconstruction of Anatoly Gamma’s biography, who was 21 when he died in the fall of 1918. His creative life was very short, and appeared to be almost a literary hoax. However, Gamma’s poetry reflected a radical change in the artistic paradigm after the Revolution of 1917. Here the authors reprint all the existing Gamma’s poems published in 1917–18 in the Odessa periodicals. After the tragic death of another Odessa poet Anatoly Fioletov at the age of 21, Gamma’s name happened to appear in obituaries dedicated to both poets. One of those memorial articles entitled “On Two Anatolys (Anatoly Gamma, Anatoly Fioletov)” was published in the Kharkov magazine “Muses” under the nom de plume “Angelica d’Éspré,” which the authors decipher in this essay. Most importantly, being associated with Anatoly Fioletov, Eduard Bagritsky and other Odessa poets, Gamma became a part of a cultural phenomenon that was called by Viktor Shklovsky in 1932 the “Southwestern Literary School.”

Keywords: literary Odessa, Russian Futurism, post-revolutionary culture, A. Gamma, A. Fioletov, E. Bagritsky, V. Mayakovsky, M. Semenko, V. Shklovsky, southwestern literary school.

Information about the authors: Alena L. Yavorskaya – literary historian, area studies specialist, Odessa, Ukraine. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4231-7113>. E-mail: yavors@i.ua.

Andrei B. Ustinov – DSc in Philology, Editor-in-Chief, Aquilon Publishing House, San Francisco, CA 94122, USA. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8468-4854>. E-mail: abooks@gmail.com.

For citation: Yavorskaya, A.L., Ustinov, A.B. Two Anatolys and One “Angelica”: On the History of the “Southwestern Literary School”. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), 2021, pp. 280–313. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-280-313>

Acknowledgements: Our sincere gratitude to Galina Babak, Sergei Girik, Alexander Sobolev and the family of S.Z. Lushchik for assistance in preparing this paper. We would like to dedicate it to the memory of our friends and colleagues Nikolai Bogomolov and Miron Petrovsky.

References

1. Ardov, M. “Vokrug Ordynki. Portrety” [“Around Ordynka. Portraits”]. *Novyi mir*, no. 6, 1999. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1999_6/Content/Publication6_4338/Default.aspx (Accessed 11 February 2021). (In Russ.).
2. Bel'skii, M., Izhik, L. *Zhurnaly staroi Odessy: Spravochnik* [*Journals of Old Odessa: Handbook*]. Odessa, VMV Publ., 2008. 117 p. (In Russ.)
3. Vetlugin, A. *Sochineniia: “Zapiski merzavtsa”* [*Works: “Notes of a Scoundrel”*], introd., comp. and comm. by D. Nikolaev. Moscow, Lakom Publ., 2000. 464 p. (In Russ.)
4. Dovlatov, S. *Zapisnye knizhki: Leningrad 1967–1978* [*Notebooks: Leningrad 1967–1978*]. Leningrad, Iskustvo Publ., 1992. 86 p. (In Russ.)
5. Kesel'man, S. *Stekliannye sny: stikhi* [*Glass Dreams: Poems*], comp., articles and comm. by S. Lushchik, O. Barkovskaya, E. Golubovsky, A. Yavorskaya. Odessa, VMV Publ., 2013. 236 p. (In Russ.)
6. Kiianskaia, O., Iavorskaia, E. “Odesskii satiricheskii zhurnal ‘Bomba’: iz materialov ugovornogo dela zhurnalista Borisa Flita” [“Odessa Satirical Journal ‘Bomb’: From the Materials of the Criminal Case of the Journalist Boris Flit”]. *Vestnik RGGU. Serii: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologiia*, no. 1 (34), 2018, pp. 23–30. (In Russ.)
7. Kneller, M. “Zhurnal ‘Bomba’ v fondakh OLM” [“Journal ‘Bomb’ in OLM Collections”]. *Dom kniazia Gagarina: Sbornik nauchnykh statei i publikatsii* [*House of Prince Gagarin: A Collection of Scientific Articles and Publications*], issue 6, vol. 1. Odessa, Simeks-print Publ., 2011, pp. 216–256. (In Russ.)
8. Krusanov, A. *Russkii avangard: 1907–1932 (Istoricheskii obzor): v 3 t.* [*Russian Avant-garde: 1907–1932 (Historical Review): in 3 vols.*], vol. 1: Boevoe desiatiletie [Battle Decade], book 2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 1104 p. (In Russ.)
9. “‘...Kursirovali iz Moskvy v Parizh...’: Iz perepiski Iurii Annenkova i L'va Nikulina” [“‘...We Were Cruising from Moscow to Paris...’: From the Correspondence Between Yuri Annenkov and Lev Nikulin”], publ. by I. Obukhova-Zelinska. *Diaspora: Noveye materialy* [*Diaspora: New Materials*], issue 4. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 617–628.
10. Latsis, A. *Krasnaia gvozdika: Vospominaniia* [*Red Carnation: Memoirs*], lit. rec. by Yu. Karagach. Riga, Liesma Publ., 1984. 183 p. (In Russ.)
11. Lushchik, S. “Veniamin Babadzhan. Zhizn' i tvorchestvo” [“Veniamin Babadzan. Life and Work”]. Babadzhan, V. *Iz tvorcheskogo nasledii: v 2 t.* [*From Literary Heritage: in 2 vols.*], vol. II, comp. by S. Lushchik, A. Yavorskaya. Odessa, Optimum Publ., 2004, pp. 361–494. (In Russ.)
12. Lushchik, S. “Chudo v pustyne. Odesskie al'manakhi 1914–1917 godov” [“Miracle in the Desert. Odessa Almanacs of 1914–1917”]. *Dom kniazia Gagarina. Sbornik nauchnykh statei i publikatsii* [*House of Prince Gagarin: A Collection of Scientific Articles and Publications*], issue 3, part 1. Odessa, ZAO “Plaske” Publ., 2004, pp. 166–236. (In Russ.)
13. *Mikhail' Semenko i ukrainskii panfuturizm* [*Mikhail Semenko and Ukrainian Panfuturism*], comp. by A. Belaya and A. Rossomakhin. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta Publ., 2016. 416 p. (In Russ.)
14. “Nikulin Lev Veniaminovich” [“Nikulin Lev Veniaminovich”], comp. by B. Kandel. *Russkie sovetskie pisateli. Prozaiki: Biobibliograficheskii ukazatel'* [*Russian Soviet Writers. Prose Writers: Biobibliographic Index*], vol. 3. Leningrad, GPB im. M.E. Saltykova-Shchedrina Publ., 1964, pp. 234–279. (In Russ.)
15. Obatnin, G. “Iz literaturnoi zhizni neprofil'nykh uchebnykh zavedenii (na primere Psikhonevrologicheskogo instituta)” [“From the Literary Life of Educational Institutions (on

the Example of the Psycho-Neurological Institute in St. Petersburg, 1908–1917”]. *Literaturnyi fakt*, no. 9, 2018, pp. 124–169. (In Russ.)

16. *Odes'ka periodichna presa roktiv revoliutsii ta gromadians'koi viini 1917–1921 r.* [*Odessa Periodicals in the Years of Revolution and Civil War of 1917–1921*], ed. by S. Rubinstein. Odessa, 1929. 180 p. (In Ukrainian)

17. Parnis, A. “Golos vremeni. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia Eduarda Bagritskogo” [“Voice of the Time. To the 90th Anniversary of Eduard Bagritsky”]. *Knizhnoe obozrenie*, no. 44, November 1, 1985, p. 16. (In Russ.)

18. Petrovskii, M. *Gorodu i miru: Kievskie ocherki* [To the City and to the World: Kiev Essays]. Kiev, Radians'kyi pys'mennyk Publ., 1990. 335 p. (In Russ.)

19. Semenکو, M. *Kobzar'. Povnyi zbirnik poetichnykh tvoriv v odnomu tomi* [Kobzar. Complete Collection of Poetic Works in One Volume]. Kiiv, Gol'fstrom / Golfstrom Publ., 1924. 646 p. (In Ukrainian)

20. Sobolev, A. *Vesna. Organ nezavisimykh pisatelei i khudozhnikov: Annotirovannyi ukazatel' soderzhaniia* [Vesna. A Periodical of Independent Writers and Artists: Annotated Index of Content]. Moscow, Truten' Publ., 2012. 164 p. (In Russ.)

21. Sobolev, A., Timenchik, R. *Venetsiia v russkoi poezii: Opyt antologii. 1888–1972* [Venice in Russian Poetry. 1888–1972]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 1104 p. (In Russ.)

22. Timenchik, R. “Iz Imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi” [“From the Index to Akhmatova's ‘Notebooks.’”]. *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorcestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik* [Anna Akhmatova: Era, Fate, Works: Crimean Akhmatova Scientific Collection], issue 8, comp. and sci. ed. by G. Temnenko. Simferopol', Krymskii Arkhiv Publ., 2010, pp. 34–71. (In Russ.)

23. Ustinov, A. “Materialy po istorii russkoi nauki o literature: Pis'ma Iu.G. Oksmana k L.L. Domgeru” [“Materials on the History of Russian Literary Science: Yu.G. Oksman's Letters to L.L. Domger”]. *Temy i variatsii. Sbornik statei i materialov k 50-letiiu Lazaria Fleishmana | Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman*, ed. by Konstantin Polivanov, Irina Shevelenko, Andrey Ustinov. Stanford, Berkeley Slavic Specialties, 1994, pp. 471–544. (In Russ.)

24. Ustinov, A. “Russkaia poeziia 100 let nazad: vzgliad iz Rostova” [“Russian Poetry 100 Years Ago: a View from Rostov”]. *Siuzhetologii i siuzhetografiia*, no. 1, 2016, pp. 173–184. (In Russ.)

25. Ustinov, A. “Letum non omnia finit: Anatolii Fioletov i literaturnaia kul'tura 1910-kh godov” [“Letum non omnia finit: Anatoly Fioletov and the Literary Culture of the 1910s”]. Fioletov, A. “Kak kholodno rozovym grusham”. *Stikhi. Dokumenty. Stat'i o poete* [“How Cold It Is for Pink Pears”. Poetry. Documents. Articles about the Poet], comp. by E. Golubovsky, A. Yavorskaya. Odessa, FOP Bondarenko M.A. Publ., 2019, pp. 269–378. (In Russ.)

26. Fioletov, A. “Kak kholodno rozovym grusham”. *Stikhi. Dokumenty. Stat'i o poete* [“How Cold It Is for Pink Pears”. Poetry. Documents. Articles about the Poet], comp. by E. Golubovsky, A. Yavorskaya. Odessa, FOP Bondarenko M.A. Publ., 2019. 380 p. (In Russ.)

27. Chukovskii, K. “Ego-futuristy i kubo-futuristy” [“Ego-futurists and Kubo-futurists”]. *Literaturno-khudozhestvennye al'manaki izdatel'stva “Shipovnik”* [Literary and Artistic Almanacs of the “Shipovnik” Publishing House], book 22. St. Petersburg, 1914, pp. 95–135. (In Russ.)

28. Shabel'skaia, E. “Zhurnal ‘Zhizn’ v fondakh OLM” [“Journal ‘Zhizn’ in OLM Collections”]. *Dom kniazia Gagarina: Sbornik nauchnykh statei i publikatsii* [House of Prince Gagarin: A Collection of Scientific Articles and Publications], issue 6, vol. 1. Odessa, Simeks-print Publ., 2011, pp. 257–286. (In Russ.)

29. Shklovskii, V. *Gamburgskii schet: Stat'i — Vospominaniia — Esse. (1914–1933)* [*Hamburg Account: Articles – Memoirs – Essays. (1914–1933)*], comp. by A. Galushkin and A. Chudakov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 544 p. (In Russ.)

30. Shchurova, T. “...I krasnyi gimn poiut svireli'.” [“...And the Red Anthem is Sung by the Flutes'.”]. *Deribasovskaia-Rishel'evskaia: Odesskii al'manakh*, no. 29, 2007, pp. 274–284. (In Russ.)

31. Iavorskaia, A. “‘Chudo v pustyne serebrianykh trub’.” [“Miracle in the Desert of Silver Trumpets'.”]. *Deribasovskaia-Rishel'evskaia: Odesskii al'manakh*, no. IV (63), 2015, pp. 308, 310–311. (In Russ.)

32. Iavorskaia, A. *Zabytye i znamenitye. Ocherki* [*Forgotten and Famous. Essays*]. Odessa, Optimum Publ., 2006. 236 p. (In Russ.)

33. Iavorskaia, A. “Materialy o Natane Shore v Gosudarstvennom arkhive Odesskoi oblasti” [“Materials on Natan Shor in the Odessa Region State Archives”]. Fioletov, A. “*Kak kholodno rozovym grusham*”. *Stikhi. Dokumenty. Stat'i o poete* [“*How Cold It Is for Pink Pears*”. *Poetry. Documents. Articles about the Poet*], comp. by E. Golubovsky, A. Yavorskaya. Odessa, FOP Bondarenko M.A. Publ., 2019, pp. 251–258. (In Russ.)

34. Iavorskaia, A. “Eto bylo, bylo v Odesse... Pervye gody iuzhnorusskoi literaturnoi shkoly” [“It Was, It Was in Odessa... The First Years of the South Russian Literary School”]. Shishova, Z. *Sil'nee liubvi i smerti. Knigi stikhov: “Penaty”, “Blokada”, “Mnogolet'e”. Vospominaniia. Pis'ma* [*Stronger Than Love and Death. Poetry Collections: “Penates”, “Blockade”, “Many Years”. Memoirs. Letters*], comp. by D. Losev., text prep., introd. and comm. by A. Yavorskaya. Feodosia, Moscow, 2011, pp. 7–36. (In Russ.)

35. Iavorskaia, A., Golubovskii, E. “Bagritskii i Fioletov” [“Bagritsky and Fioletov”]. *Vsemirnye odesskie novosti*, no. 3 (71), December, 2008, pp. 7–8. (In Russ.)

36. Iavorskaia, E. “Odesskaia pressa 1918–1919 gg. o gibeli Anatoliia Fioletova” [“Odessa Press of 1918–1919 on the Death of Anatoly Fioletov”]. *Vestnik RGGU. Serii: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, no. 6 (68), 2011, pp. 49–54. (In Russ.)

37. Iavorskaia, E. “Odesskii literaturnyi zhurnal ‘Zhizn’ v istoriko-politicheskoi situatsii 1918 g.” [“Odessa Literary Journal ‘Zhizn’ in the Historical and Political Situation of 1918”]. *Vestnik RGGU. Serii: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, no. 5, 2015, pp. 24–28. (In Russ.)

38. Ilnytskij, Oleh S. *Ukrainian Futurism, 1914–1930. A Historical and Critical Study*. Cambridge, Mass., Ukrainian Research Institute, Harvard University Press, 1997. 413 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 10.03.2021

Одобрена после рецензирования: 11.04.2021

Дата публикации: 25.06.2021

The article was submitted: 10.03.2021

Approved after reviewing: 11.04.2021

Date of publication: 25.06.2021